

ЦУМАРОВА Елена Юрьевна / TSUMAROVA Elena

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы / North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

tsumarova@gmail.com

СОЛОМЕЩ Илья Мотелевич / SOLOMESHCH Илья

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

isol@petrsu.ru

КРУГЛОВА Алиса Андреевна / KRUGLOVA Alisa

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта / Immanuel Kant Baltic Federal University

Россия, Калининград / Russia, Kaliningrad

kruglovaalissa@gmail.com

КОНСТРУИРУЯ КАРЕЛИЮ: СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕГИОНА В ИСТОРИЧЕСКОМ, ОФИЦИАЛЬНОМ И ПОВСЕДНЕВНОМ ДИСКУРСЕ

**CONSTRUCTING KARELIA: STRATEGIES FOR REPRESENTING THE REGION
IN HISTORICAL, OFFICIAL AND EVERYDAY DISCOURSE**

Abstract: The article identifies and analyzes the main narratives and discursive practices that form the concept of the Republic of Karelia. Based mainly on the method of discourse analysis of textual materials, the authors address historical, official, and everyday discourses. The article introduces a cross-disciplinary approach that allows combining the tools of historiographic, political and sociological analysis. The elements of continuity and novelty in the formation of the basic narrative of Karelian history are analyzed to identify specific features of the historical discourse. Official materials, as well as speeches by the leaders of the region during the celebration of the Day of the Republic in 2000–2020, became sources for the analysis of the official discourse. Everyday discourse is scrutinized through the analysis of a series of semi-structured interviews with residents of the republic. The study of the interaction of various narratives makes it possible to identify representation strategies of the region in the public space. The authors assert that there are several strategies for representing Karelia, the combination of which largely depends on the political context and the position of the official authorities.

Ключевые слова / Keywords: Республика Карелия, юбилеи, репрезентация, регион, идентичность, историография, дискурсы / Republic of Karelia, anniversaries, representation, region, identity, historiography, politics, everyday life, discourses

В 2020 г. Республика Карелия праздновала 100-летие со дня образования Карельской трудовой коммуны — «первого государственного образования» на этой территории. Само празднование Дня Республики вызывает достаточно оживленную дискуссию среди историков, политологов, жителей Карелии. Что именно ежегодно

отмечается 8 июня? Что скрывается за понятием «Карелия»? На чем основываются представления о регионе у разных групп населения, и насколько они пересекаются? Попытке ответить на эти вопросы и посвящена данная статья.

В статье анализируются официальные, исторические и повседневные представления о Республике Карелия. Методологически работа основывается на дискурсивном анализе текстовых материалов. Для выявления составных элементов исторического дискурса анализируются элементы преемственности (*long lines*) и новации в формировании базового нарратива истории Карелии; проблема пересекающихся исторических нарративов в российской/советской и финляндской традиции; контрапозиция государствоцентричного и этноцентричного в историографии. Источниками данных для анализа официального дискурса стали материалы с официального сайта правительства РК, а также выступления руководителей региона во время празднования Дня республики (с 2000 г. — первый год празднования, до 2020 г.). Наконец, повседневный дискурс выявлялся на основе анализа серии полуструктурированных интервью с жителями республики (N = 34).

Теоретические основания исследования

В исследовательской литературе традиционно сложилось два направления в понимании региона. Первое из них рассматривает регион как территорию с особым социо-экономическим, культурным укладом, специфическими природными и архитектурными явлениями¹. Принадлежность к сообществу основывается на общем проживании на одной территории и формируется в результате регулярного взаимодействия его членов, распространения локального знания, фольклора, традиций и прочих факторов². Границы такого региона зачастую подвижны и не зависят от административно установленных решений. Они определяются общими языковыми и культурными нормами и традициями, а также общим прошлым.

Другое понимание региона развивалось в рамках конструктивистской парадигмы, рассматривавшей регион как социально-культурный конструкт. Принципиальным отличием этого подхода является признание региона не чем-то объективно существующим, а создаваемым в процессе сознательной деятельности политических акторов «воображаемым сообществом» (термин Б. Андерсона)³.

¹ См., напр.: *Terlouw K. Regional identities: quested and questioned // Handbook on the Geographies of Regions and Territories / Ed. by A. Paasi, J. Harrison, and M. Jones. Cheltenham; Northampton, 2018. P. 256–267.*

² *Цумарова Е. Ю. Образ Карелии: соотношение главных составляющих // Вестник Евразии. 2006. № 2. С. 154–170.*

³ Здесь и далее для описания механизмов конструирования региона как политического сообщества мы будем опираться на наработки в сфере исследований наций и национализма, которые рассматривают нацию как воображаемое политическое сообщество, являющееся ограниченным и суверенным (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М., 2001.). Наличие у регионов политической автономии и органов власти, чьи полномочия ограничены административными границами, позволяет анализировать их как политические сообщества меньшего масштаба, и, соответственно, применять теоретические положения теорий нации и национализма (особенности регионов как политических

Ключевую роль в формировании региона начинают играть представления о «мы — сообществе», которые основываются на пространственных характеристиках⁴ и организованных формах коммуникации, связанных с политикой⁵. Как подчеркивает М. Китинг, региональные сообщества являются результатом «социальной мобилизации и политического руководства»⁶, направленным на приведение в соответствие представлений о «мы-сообществе» с существующими административными границами. Другими словами, если в первом подходе регион рассматривается скорее как культурное сообщество, то данный подход акцентирует внимание на искусственной природе регионов как сообществ политических, границы которого определяются границами действия политических институтов.

Процесс формирования региона и чувства принадлежности к нему (региональной идентичности) может быть описан в рамках концепции политики идентичности, под которой понимается сознательная деятельность политических акторов по формированию политического сообщества «с целью легитимации региональных властных институтов»⁷. Одним из важнейших элементов политики идентичности является формирование образа «мы-сообщества», который включает в себя исторический нарратив, позволяющий «укоренять» сообщество во времени и пространстве⁸.

Как отмечает Г. Миненков, конструирование истории является проектом, селективно организующим «исторические события с точки зрения непрерывности их связи с современным субъектом», что позволяет создавать «привлекательную репрезентацию жизни, ориентированную на настоящее», то есть формулировать «жизненную историю» сообщества в качестве акта самоопределения⁹. Политические элиты региона активно используют прошлое как для легитимации своих действий в настоящем, так и для консолидации сообщества, формирования образа «врага» и

сообществ см.: Цумарова Е. Ю. Политика идентичности в регионах России: научное электронное издание. Петрозаводск, 2016. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=27898> (02.12.2021). См. также: Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6(40). С. 67–116; Макарычев А. С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. 2003. № 3. С. 8–27; Paasi A., Metzger J. Foregrounding the region // Regional Studies. 2017. 51(1). P. 19–30.

⁴ Terloin K. Regional identities: quested and questioned.

⁵ Paasi A., Metzger J. Foregrounding the region.

⁶ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. С. 94.

⁷ См.: Мелешкина Е. Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / Ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. М., 1999. С. 126–137; Цумарова Е. Ю. Единство в многообразии, или как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию // Неприкосновенный запас. 2015. № 5. С. 57–66.

⁸ Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования, 2016. № 6. С. 139–158; Terloin K. Regional identities: quested and questioned.

⁹ Миненков Г. Идентичность в политическом измерении // Наше мнение: Экспертное сообщество Беларуси [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html> (02.12.2021).

др.¹⁰. Учреждение праздничных дат, установка памятников и памятных знаков в этом смысле становятся значимым инструментом, позволяющим властвующей элите поддерживать доминирующий дискурс о «мы-сообществе», ритуализировать принадлежность к нему через участие в коллективных действиях¹¹. Праздники играют большую роль в политике идентичности, поскольку связаны не только с актуализацией региональной идентичности, но и с возможностью «консенсуса по поводу смысла социального мира»¹².

Политические элиты являются доминирующим, но не единственным актором политики идентичности в регионе. Напротив, регион является продуктом различных интерпретаций, которые «борются и сталкиваются друг с другом, деконструируют и вытесняют одна другую»¹³. Исследователи отмечают особую роль ученых, экспертов, СМИ в процессе формирования образа региона¹⁴. Представители региональной интеллигенции являются важными агентами формирования и тиражирования регионального мифа, который может быть взят на вооружение политической элитой¹⁵. В этом случае в регионе возникает единый региональный миф (нарратив), который работает на консолидацию сообщества. Властвующие элиты апеллируют к научному сообществу для подкрепления своей позиции и реализации тех или иных задач.

Однако возможно возникновение и другой ситуации, при которой академический дискурс будет противоречить официальным представлениям, предлагая альтернативный образ региона и его истории. В такой ситуации академический дискурс может либо стать маргинальным и практически не присутствовать в публичном пространстве региона, либо стать инструментом в политической борьбе различных политических сил (в том числе являться частью так называемого регионалистского дискурса¹⁶. Наличие или отсутствие конкурирующих дискурсов особенно отчетливо проявляется во время празднования юбилейных дат, поскольку праздники актуализируют дискуссию об образе регионального сообщества и его истории.

Наконец, предлагаемые политическими элитами интерпретации образа региона должны соответствовать представлениям и находить отклик в общественном сознании, то есть должны резонировать с коллективными

¹⁰ Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. 2015. С. 11.

¹¹ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

¹² Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: возможности теоретического описания // Символическая политика. 2014. № 2. С. 66–79.

¹³ Нойманн И. Использование «другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей М: Новое издательство, 2004. С. 188.

¹⁴ Семеновко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. № 7(2). С. 5–24; Соколовский С. В. Современный этногенез или политика идентичности? // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 7–83.

¹⁵ Ноженко М. В., Ягольская Н. Б. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов // Политическая наука. 2005. № 3. С. 119–141.

¹⁶ См., напр.: Витковская Т. Б., Назукина М. В. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан // Мир России. 2021. № 30(1). С. 67–87.

представлениями¹⁷. Ведь сообщества формируются и на повседневном уровне как спонтанное взаимодействие людей, создающих и воспроизводящих регион, а транслируемые официальные представления о сообществе переопределяются на индивидуальном уровне¹⁸.

Исследователи выделяют несколько элементов формирования и воспроизводства сообщества людьми. В частности, к ним относится способ «говорения» о сообществе (что, как и в каких контекстах люди говорят о регионе); повседневные практики, связанные с регионом (например, для национальных республик особое значение приобретает выбор языка повседневного общения); осознанное и неосознанное участие в ритуализированных действиях и использование региональной символики (речь, в частности, идет об участии в региональных праздниках); наконец, значение имеют и практики повседневного потребления, через которые может проявляться региональный патриотизм (предпочтение товаров местных производителей)¹⁹. При этом подчеркивается, что эти элементы могут по-разному соотноситься с официальными представлениями о сообществе: от принятия через трансформацию/адаптацию до полного отрицания. Так, в частности, жители могут воспринимать региональные праздники не как повод для актуализации своей идентичности, а как дополнительный выходной, использовать региональную атрибутику как аксессуар, не вкладывая в это никакого дополнительного смысла. Другими словами, люди могут рассматривать регион исключительно как культурное сообщество, место проживания, не артикулируя связь с политическими институтами. И напротив, люди могут акцентировать внимание на деятельности региональных органов власти, воспринимая регион как сообщество политическое, обладающее собственными интересами, символами и т.д.

Таким образом, регион в данной статье рассматривается как социальный конструкт, в создании которого принимают участие политические элиты, научное сообщество и простые жители. Формируемые представления о регионе могут дополнять друг друга и «работать» на создание единого консолидирующего мифа, а могут являться поводом для явных или скрытых конфликтов. Анализ взаимодействия различных нарративов и дискурсивных практик позволит выявить стратегии репрезентации региона в публичном пространстве.

Историческая Карелия: репрезентация региона в отечественной и зарубежной историографии

Историческая Карелия на протяжении многих веков представляла собой порубежное этноисторическое пространство, внешние контуры и смысловое

¹⁷ *Здравомыслова Е.* Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» // *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения.* М., 2009. С. 120–136.

¹⁸ *Kaufmann E.* Complexity and nationalism // *Nations and Nationalism.* 2017. Vol. 23(1). P. 6–25; *Fox J. E., Miller-Idriss C.* Everyday nationhood // *Ethnicities.* 2008. Vol. 8(4). P. 536–563.

¹⁹ *Fox J. E., Miller-Idriss C.* Everyday nationhood. P. 538–552.

наполнение которого по-разному, в том числе и заведомо противоречиво, интерпретируются в рамках исторических сложившихся традиций и подходов.

В российской дореволюционной, а затем, с небольшими модификациями, в советской историографической традиции сформировалось несколько ключевых элементов универсальной схемы историописания Карелии. Это, во-первых, тезис о том, что в начале второго тысячелетия н. э. на землях между Ладожским и Онежским озерами карелы вошли в соприкосновение с вепсами и что освоение карелами территории современной Республики Карелия по времени совпадало с русским освоением. Отсюда делается часто повторяемый в русской и советской историографии вывод, что карелы и вепсы изначально входили в русское государство. Во-вторых, наиболее очевидным «общим местом» становится борьба с внешней агрессией — начиная опустошительных набегов шведских феодалов. В-третьих, связь Карелии с Новгородом приобретает конфессиональные и, следовательно, цивилизационные черты: православный мир как объект католического (позднее лютеранского) стремления к экспансии²⁰. В современных реалиях на уровне политически окрашенного дискурса и соответствующих риторических практик эта линия трансформировалась в концепцию форпоста («Карелия — форпост России»).

В современной российской историографии Карелия преимущественно рассматривается в рамках традиционной парадигмы истории государства (центра), что заметно и в обобщающих трудах последних десятилетий²¹. В противоположность финским авторам²², в России было не принято акцентировать внимание на то обстоятельство, что Карелия — гораздо более обширное этногеографическое и историческое пространство, чем современная Республика Карелия. Известный поворот к попытке концептуализации трансграничности истории Карелии наметился лишь в последние годы в рамках осуществления международных исследовательских проектов²³.

Формы репрезентации и интерпретации истории Карелии финскими авторами демонстрируют, что на определенных этапах было принято подчеркивать единство

²⁰ Подробнее об основных «длинных линиях» в историографии истории Карелии, в том числе об элементах преемственности советской историографической традиции по отношению к дореволюционной, см.: *Heininen L., Solomeshch I. Conflicts and peace as a background for Karelian history // Narva and the Baltic Sea Region: Political and Cultural Relations between Russia and the Baltic Region States / Ed. by K. Brüggemann. Narva, 2004. (=Studia humaniora et paedagogica Collegii Narovensis I). P. 291–301.*

²¹ См., напр.: *История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило и др.; под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск, 2001.*

²² См., напр.: *Kirkinen H., Nevalainen P., Sibvo H. Karjalan kansan historia. Porvoo; Helsinki; Juva, 1994.*

²³ См.: *Nation Split by the Border: changes in the ethnic identity, religion and language of the Karelians from 1809 to 2009 / Ed. by T. Hämynen and A. Pashkov. Tampere, 2012; Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи / Ю. Корпела, К. Паршпей, И. Карвонен и др.; под общ. ред. И. Черняковой. СПб, 2021.*

карельского региона в силу естественно-географических и культурно-исторических обстоятельств. Напротив, были периоды, когда в центре внимания оказывались по преимуществу различия в цивилизационной ориентированности «русской» и «финской» Карелий. Определяющим становился фактор исторического и политического времени. Однако, в любом случае, главным конструирующим элементом большинства определений оставалась граница²⁴.

В финляндской традиции уже в первой половине XIX в. за Карелией закрепились интегрирующая, по отношению к финской нации, символическая роль, укреплявшаяся по мере становления национальной историографии как таковой. В начале XX в, с обострением российско-финляндских отношений в связи с мерами центральных властей по ограничению финляндской автономии, эта тенденция получила дальнейшее развитие, достигнув кульминации в период между двумя мировыми войнами²⁵. Очевидное несовпадение не только на уровне интерпретаций и определений, но и в самих подходах, свойственных российским и западным авторам, однако, вряд ли стоит сводить исключительно к наследию российско-финляндского противостояния конца XIX — начала XX вв., или же к временам «железного занавеса». Даже в период с 1809 по 1917 гг., когда Финляндия входила в состав Российской империи и, таким образом, вся Карелия находилась внутри имперских границ, Великое княжество и российскую Карелию по-прежнему разделяла граница — как минимум, административная, конфессиональная, культурная и психологическая. Итоги Второй мировой войны подвели международно-правовую черту под многовековым конфликтом за преобладание в регионе. Тем не менее, граница в ее многочисленных проявлениях и значениях остается существенным элементом в переопределении региона.

Среди наиболее распространённых определений, применяемых к описанию истории Карелии, можно выделить сочетающие в себе функциональность, но не лишённые при этом эмоционального наполнения: поле битвы, миф, ворота, коридор, исторический ландшафт войны и мира. В каком-то смысле эта линейка даёт основания для суждения о том, что Карелия стала жертвой традиционной геополитики. Однако история Карелии — это также история развитых и динамичных торговых, культурных, демографических контактов, начиная с уникальной по своей природе традиции корабельной торговли и заканчивая современными связями²⁶.

²⁴ *Paasi A.* The changing meanings of the Finnish-Russian borders // *Russian Karelia in Search of a New Role* / Ed. by H. Eskelinen, J. Oksa, and D. Austin. Joensuu, 1994. P. 26.

²⁵ *LiiKANEN I.* Origins of the Eastern Border as the Grand Controversy of Finnish National History Writing // *Disputed Territories and Shared Pasts: Overlapping National Histories in Modern Europe*. London, 2011. (=Writing the Nation Series 5). P. 177–199.

²⁶ *Heininen L., Solomeshch I.* Conflicts and peace as a background for Karelian history.

Таким образом, современная историческая интерпретация Карелии сводится преимущественно к двум измерениям: близость к границе и её влияние на восприятие региона, а также государственность республики, трансформировавшаяся в разные исторические периоды.

Официальный нарратив: от субъекта к территории

Формирование официального представления о Карелии в постсоветский период прошло несколько этапов, тесно связанных с общей логикой функционирования российского государства и взаимоотношений центр — регионы. Так, в 1990-е гг. основным/важным элементом образа Карелии было представление о республике как об автономном политическом образовании. Карелия стала первым регионом РСФСР, принявшим Декларацию о государственном суверенитете, в которой утверждался статус республики как суверенного государства в составе РСФСР и СССР; в 1993–1994 гг. была разработана и принята официальная символика. «Субъектность» Карелии неоднократно подчеркивалась в выступлениях руководителей региона. В частности, Председатель Правительства РК Виктор Степанов, выступая с резкой критикой проекта федерального бюджета на 1998 г., заявлял, что Карелии «придется пересматривать... взаимоотношения (с федеральным центром — авт.). Пусть тогда все федеральные службы платят нам арендную плату за пребывание на территории республики»²⁷.

Утверждение Дня Республики Карелия в 1999 г. продолжило линию восприятия региона прежде всего как *политического сообщества*. В пояснительной записке к закону было, в частности, указано, что День РК — это «символ, олицетворяющий процесс оформления государственности Карелии»²⁸. Такая интерпретация Карелии полностью совпадает и основывается на историческом нарративе, речь о котором шла в предыдущей части статьи²⁹. История Карелии рассматривается как череда государственных образований (КТК — КАССР — КФССР — КАССР — РК), созданных, прежде всего, для защиты прав карелов в рамках реализации международных обязательств.

Курс на децентрализацию государства, взятый федеральными органами власти в начале 2000-х гг., оказал влияние и на официальные представления о Карелии. Так, например, Глава республики Сергей Катанандов поддержал решение Президента об отмене прямых выборов глав регионов, заявив, что сам «неоднократно выступал с этим предложением» для консолидации государства и обеспечения безопасности населению. А спикер Законодательного Собрания Карелии Николай Левин тогда же подчеркнул, что считает «вполне приемлемой форму отказа от прямых выборов» руководителей регионов, которая

²⁷ Виктор Степанов // Карелия. 1997. 12–18 сентября. С. 3.

²⁸ День Республики Карелия // Официальный интернет-портал Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://gov.karelia.ru/karelia/symbolics/day/> (02.12.2021).

²⁹ Solomests I. Juhlavuodet Kuvastavat Karjalan Historiia // Idäntutkimus. 2003. 10 (2). S. 28–29.

«позволит усилить вертикаль власти и саму власть в целом»³⁰. С этого момента представление об автономии Карелии отошло в официальном нарративе на второй план. На сегодняшний день восприятие Карелии как политического сообщества актуализируется в связи с празднованиями Дня Республики³¹ (особенно юбилейными торжествами), а также в связи с выборами. Примечательно, что и обновление Конституции Карелии проходит под эгидой общероссийской повестки, реализуемой на местах, а не как необходимость повышения качества управления, учета интересов населения республики и пр.: «предстоит проделать большую работу по совершенствованию и приведению законодательства Республики Карелия в соответствие с новыми положениями Конституции Российской Федерации»³².

Работа над новой редакцией Конституции Карелии демонстрирует преобладание этнокультурного компонента в официальном нарративе. Карелия рассматривается как культурное сообщество, «исторические и национальные особенности» которого «определяются проживанием на [его] территории карелов»³³. Член рабочей группы по реформированию Конституции В. Шлямин подчеркивал, что «пока жива карельская культура, пока жив карельский язык во всех его наречиях, пока наши дети независимо от их национальности будут изучать замечательное наследие — карело-финский эпос «Калевала», у нашего края будет право сохранять его гордое и красивое имя — Карелия»³⁴.

Представление о Карелии как о *культурном сообществе* включает в себя идею многонациональности республики. Официальные лица регулярно подчеркивают, что Карелия является уникальным для культуры человечества регионом³⁵, который соединил в себе черты финно-угорской культуры, выраженные в рунопевческой традиции, эпосе Калевала, а также черты русской фольклорной традиции. Как отмечается на информационном туристском портале, «историко-культурное своеобразие Карелии... определяется также культурным наследием четырех коренных народов, исторически проживающих в этом регионе — карелов, финнов,

³⁰ Руководители Северо-Запада России в целом поддерживают идею отказа от прямых выборов глав субъектов РФ // ПАИ — новости Пскова и Псковской области сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://informpskov.ru/news/15780.html> (02.12.2021).

³¹ О том, как менялось официальное наполнение праздника, см.: Цумарова Е. Ю. День Республики Карелия как праздник карельской государственности: от единства к утилитаризму // Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. Петрозаводск, 2018. С.97–101.

³² О рабочей группе // Законодательное Собрание Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://karelia-zs.ru/o_zakonodatelnom_sobranii/komissii/rg_const/o_rg/ (02.12.2021).

³³ Конституция Республики Карелия. Ст. 1. п. 5.

³⁴ Валерий Шлямин: тема поправок в Конституцию Карелии чрезвычайно актуальна // Республика [Электронный ресурс]. URL: <http://rk.karelia.ru/politics/authority/valerij-shlyamin-tema-popravok-v-konstitutsiyu-karelii-chrezvychajno-aktualna/> (24.12.2021); см. также: Съезд карелов: без языка нет народа, без народа нет республики // Там же. URL: <http://rk.karelia.ru/social/sezd-karelov-bez-yazyka-net-naroda-bez-naroda-net-respubliki/> (02.12.2021).

³⁵ Катанандов С. Карелия в священном треугольнике // Карелия. 10 шагов в новое тысячелетие. Петрозаводск: АУ РК «Издательский Дом «Карелия», 2010. С. 4.

вепсов, русских, создавших за десять веков совместного проживания уникальную и самобытную культуру».³⁶ Как отмечал Глава Карелии А. Парфенчиков, «Карелия несет особую ответственность за сохранение карелов и вепсов как уникальных этносов мирового сообщества»³⁷.

При этом культурное своеобразие Карелии рассматривается в достаточно утилитарном ключе — как способ привлечения туристов и дополнительных инвестиций: «культурная и этническая самобытность Карелии должна стать частью уникального бренда республики и способствовать повышению интереса к региону, его престижа и узнаваемости в Российской Федерации», «мы будем работать для того, чтобы не только сохранить уникальность и самобытность Карелии, но и сделать наш регион особенным, не похожим на другие, который будет славиться уважением людей к национальной культуре и традициям, трудолюбием, чистотой и комфортом, бережным отношением к природе»³⁸.

Восприятие Карелии как культурного сообщества включает в себя и религиозную (конфессиональную) составляющую, то есть рассмотрение Карелии как одного из центров православия в России³⁹. Карелия описывается как «земля в священном треугольнике — Кижы–Валаам–Соловки, — которая хранит чистейшую в мире православную традицию»⁴⁰. Примечательно, что лидеры республики активно используют Соловецкий архипелаг в качестве символа Карелии, несмотря на административную принадлежность островов к Архангельской области. Соловецкие острова рассматриваются в качестве важного памятника православной Карелии: «три острова, три оплота русской православной духовности несокрушимо стоят на внешних рубежах Карелии... — Валаам на западе, Соловки на севере и Кижы на юге»⁴¹.

Наконец, официальный нарратив содержит представление о Карелии как *территории*, географическом пространстве с особым природным ландшафтом. Это представление основывается на достаточно распространенном клише «край лесов и озер», но содержит и указание на геополитическое положение Карелии как приграничного региона: «Республика Карелия — жемчужина Русского Севера... уникальный по своей природе, культуре и истории регион России, который имеет самую протяженную границу с Европейским союзом ... Это экологически чистый

³⁶ Общая информация об отдыхе в Карелии // Карелия. Туристский портал [Электронный ресурс] URL: <http://www.ticrk.ru/o-karelii/obshchaya-informatsiya-ob-otdykhe-v-karelii/> (02.12.2021).

³⁷ Парфенчиков: «Карелия несет ответственность за сохранение карелов и вепсов» // АИФ-Карелия [Электронный ресурс]. URL: https://karel.aif.ru/culture/parfenchikov_kareliya_neset_otvetstvennost_za_sokhranenie_karelov_i_vepsov (02.12.2021).

³⁸ Национальная самобытность должна стать частью бренда // Karelinform [Электронный ресурс] URL: <https://karelinform.ru/news/society/11-08-2010/natsionalnaya-samobytnost-dolzha-stat-chastyu-brenda> (02.12.2021).

³⁹ Нелидов А. «Карелия — это центр духовной силы России» // Столица на Онего [Электронный ресурс] URL: <https://stolicaonego.ru/comments/150424/> (02.12.2021).

⁴⁰ Катанандов С. Карелия в священном треугольнике. С. 4.

⁴¹ Моя Карелия. Фотоальбом. Петрозаводск, 2002. С. 51.

край, покрытый хвойными лесами, озерами, реками и скалами... Карелия — это белые ночи, рыбалка, сбор ягод и сплавы по рекам летом. Зимой туристов ждут лыжи, собачьи упряжки, снегоходы и белые от снега просторы»⁴².

Как и в случае с культурным сообществом, обращение к природным богатствам в официальном нарративе носит утилитарный характер: обилие леса, полезных ископаемых рассматривается как ресурс, с помощью которого можно привлечь дополнительные финансовые средства за счет инвестиций и развития туристического бизнеса.

Таким образом, официальный нарратив тесно связан с общим политическим контекстом и трансформируется в связи с политической целесообразностью. При этом он опирается на традиционные представления о Карелии как «крае лесов и озер», места традиционного проживания карелов, вепсов и финнов. Но обращение к этим представлениям носит утилитарный характер: природные объекты, памятники архитектуры и традиционная культура титульных народов рассматривается как повод для привлечения дополнительных финансовых средств либо за счет инвестиций/субсидий, либо за счёт туризма. Примечательно при этом, что представление о Карелии как об автономном политическом образовании занимает довольно маргинальное положение в официальном нарративе.

Повседневный нарратив: Карелия как место жительства

В повседневном дискурсе спектр представлений о Карелии выглядит довольно фрагментированным. Это прослеживается в полученных в ходе полуструктурированных интервью ответах 34 жителей республики. Респондентами стали представители некоммерческих организаций, жители трёх муниципальных районов Северного Приладожья, Калевальского района, Петрозаводска — предприниматели, журналисты, научное сообщество, пенсионеры, рабочие и служащие и т. д.

В первую очередь образ Карелии для ее жителей складывается из *природных символов*: леса, озера, северный климат. «Есть классические ассоциации... у меня они тоже есть — лес, озеро, все дела. У нас очень красивые места»⁴³, «Регион северный, практически арктический, с суровым климатом и природой»⁴⁴. В ответах респондентов прослеживается отношение к природным компонентам территории как к ценности, ее преимуществу: «...ты видишь эти невероятные розовые закаты, белые ночи»⁴⁵, «Карелию представляю уникальным природным регионом»⁴⁶, «Карелия — это что-то чистое, медитативное, релаксное»⁴⁷.

⁴² Республика Карелия — жемчужина Русского Севера // Официальный интернет-портал Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://gov.karelia.ru/karelia/> (02.12.2021).

⁴³ М., 1987 г.р., дизайнер, уроженец.

⁴⁴ М., 1985 г.р., руководитель НКО, уроженец.

⁴⁵ Ж., 1985 г.р., руководитель НКО, уроженка.

⁴⁶ М., 1989 г.р., дизайнер, руководитель НКО, уроженец.

⁴⁷ Ж., 1971 г.р., руководитель НКО, уроженка.

Другая группа ассоциаций оказалась связана с *социально-экономическим состоянием территории*, его сложностью и нереализованностью существующего потенциала: «Бедно, убого, но чисто..., с большим количеством воды и комаров. Бесперспективный абсолютно, как и большинство регионов»⁴⁸, «Бедный регион. Очень депрессивный. Я много где была в других регионах — есть, с чем сравнить»⁴⁹, «С благоприятными условиями для развития инновационных крупных производств. На сегодня мы знаем, что регион не богатый и сложный экономически, большой и мало людей»⁵⁰.

При этом *культурные символы*, упоминания *истории региона* в повседневном дискурсе встречаются реже, в основном в контексте многонациональности территории: «Язык карельский! Он у нас очень красивый. Для меня карельский язык — основная ассоциация»⁵¹, «Карелия в моем представлении — это такое лоскутное одеяло..., очень разнообразна..., с одной стороны, это территория спасения уникальности карело-финской культуры, которая исчезла на северо-западе Европы, с другой стороны, это спасение русско-славянской культуры, которая погибла где-нибудь в Центральной России»⁵², «Этнополитическое, этноисторическое пространство, которое удивительным образом не совпадает с административными контурами современной Республики Карелия и ее предшественников»⁵³, «Это регион, где сплелись культуры разных народов: культуры финно-угорских коренных народов, культура русских»⁵⁴. Стоит отметить, что к истории и культуре территории в ответах обращаются представители ученого сообщества, журналисты, чья профессиональная деятельность связана с изучением этнополитической составляющей региона, а также респонденты, в чьих семьях еще хранят традиции, частично учат коренные языки.

Говоря о культурных элементах образа, респонденты используют термин «идентичность», делая акцент на кризисных тенденциях региональной самоидентификации, ослаблении этнической составляющей: «Идентичность есть, но сходит на нет. В 90-х потеряли много вывесок на национальных языках, лишились “фактурности”, того, что выделяло нас на фоне других»⁵⁵, «Карельская идентичность — исчезающая материя. Мы все знаем эти печальные проценты коренного финно-угорского населения»⁵⁶.

Еще один элемент повседневного дискурса — близость к Финляндии. С одной стороны, приграничность республики воспринимается как возможность:

⁴⁸ М., 1974 г.р., предприниматель, уроженец.

⁴⁹ Ж., 1982 г.р., руководитель НКО, уроженка.

⁵⁰ М., 1989 г.р., дизайнер, руководитель НКО, уроженец.

⁵¹ М., 1987 г.р., дизайнер, уроженец.

⁵² М., 1957 г.р., журналист, приезжий.

⁵³ М., 1963 г.р., представитель научного сообщества, уроженец.

⁵⁴ М., 1985 г.р., руководитель НКО, уроженец.

⁵⁵ М., 1990 г.р., урбанист, общественный деятель, уроженец.

⁵⁶ М., 1963 г.р., представитель научного сообщества, уроженец.

«Может быть тут влияет близость к Финляндии, какое-то чувство свободы»⁵⁷, «Просто Карелия — это получается и Россия, и в то же время немного Финляндия»⁵⁸. С другой — как ограничение: «Сложная история... Мне жалко коренное население, оставившее эти места. Водила родственников [из другого региона России — авт.] на старое финское кладбище, стыдно, кладбища не слишком ухоженные», «Езжу за границу [часто], но жить там не хочу. Это всё чужое, в том числе язык и культура»⁵⁹. «Финляндия близко и многим доступна, многие ездят регулярно за покупками и так, к родственникам и друзьям. Но здесь больше возможностей; хотя если дети захотят [уехать], я их пойму»⁶⁰.

Повседневный дискурс также содержит представления об *образе местного населения и его особом характере*. В ряде случаев темперамент местных жителей противопоставляется жителям южных регионов: «Для меня Карелия — это место, где живут более осознанные люди... Люди тут всегда жили непростые, всегда задавали вопросы»⁶¹, «Карелия — это местность с независимым характером, людьми с независимым характером... здесь гораздо меньше подхалимажа, чем в южных регионах»⁶², «Мы отличаемся по менталитету, по действиям, по решениям, по обсуждениям. Север — это своего рода чистота мысли, чистота действий, продуманность определенная»⁶³.

Таким образом, в повседневном представлении Карелия рассматривается прежде всего как место жительства, имеющее свои природные и, в меньшей степени, культурные особенности. При этом важно отметить, что на уровне повседневных представлений, как и в историческом нарративе, значимую роль играет фактор границы, которая рассматривается скорее как место взаимодействия культур и народов, а не как границы, разделяющие одно сообщество от другого.

Заключение

Проведенное исследование показало наличие нескольких стратегий репрезентации Карелии в публичном пространстве, при этом сочетание этих стратегий во многом зависит от политического контекста и позиции официальных органов власти. Так, в историческом нарративе Карелия рассматривается с государствоцентричных позиций: история Карелии представляет собой череду государственных образований, располагавшихся на ее территории. При этом особое значение приобретает геополитический контекст: Карелия являет собой не просто государственное образование в составе России, но и ее форпост, место соприкосновения двух культур и/или двух государств.

⁵⁷ Ж., 1986 г.р., предприниматель, уроженка.

⁵⁸ М., 1987 г.р., дизайнер, уроженец.

⁵⁹ Ж., 1962 г.р., библиотекарь, приезжая.

⁶⁰ М., 1970 г.р., предприниматель, приезжий.

⁶¹ Ж., 1986 г.р., предприниматель, уроженка.

⁶² Ж., 1971 г.р., руководитель НКО, уроженка.

⁶³ Ж., 1985 г.р., руководитель НКО, уроженка.

Официальная репрезентация Карелии во многом опирается на доминирующий исторический нарратив, что нашло отражение и в учрежденном Дне республики. Однако после 2004 г. статус Карелии как автономной республики постепенно стал уходить на второй план. С этого времени основной акцент сместился на представление о Карелии как особой этнокультурной территории, месте жительства карелов и вепсов. Такая стратегия репрезентации полностью соответствует взятому в 2012 г. на федеральном уровне курсу по формированию общероссийской идентичности и поддержанию этнокультурного разнообразия.

Карельская и, в меньшей степени, вепсская культура является важным элементом представления о регионе и на повседневном уровне. При этом ключевую роль в нем играют природные символы, по поводу которых не существует серьезных разногласий. Этнокультурные особенности, статус Карелии как национальной республики, близость к Финляндии — все это включается в повседневные представления людей, однако не становится главным маркером, выделяющим Карелию на фоне других регионов.

Таким образом, выделенные стратегии репрезентации Карелии основываются на наиболее понятных и близких интерпретациях региона. При этом пересечения существующих представлений оказывается устойчивым тогда, когда элементы представлений не вызывают больших споров и/или негативных оценок внутри сообщества, и соответствуют политическому контексту. Именно этим можно объяснить доминирование представлений о Карелии как о территории с красивой природой и этнокультурными особенностями, чья история преимущественно связывается с историей России.

Список литературы

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. — Москва : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288 с.

Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. — 288 с.

Витковская, Т. Б., Назукина, М. В. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан / Т. Б. Витковская, М. В. Назукина // Мир России. — 2021. — № 30(1). — С. 67–87.

Ефремова, В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: возможности теоретического описания / В. Н. Ефремова // Символическая политика. — 2014. — № 2. — С. 66–79.

Здравомыслова, Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» / Е. Здравомыслова // Общественные

движения в России: точки роста, камни преткновения. — Москва : Вариант, 2009. — С. 120–136.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило и др. ; под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

Карелия. 10 шагов в новое тысячелетие. — Петрозаводск : АУ РК «Издательский Дом «Карелия», 2010. — 253 с.

Китинг, М. Новый регионализм в Западной Европе / М. Китинг // Логос. — 2003. — № 6(40). — С. 67–116.

Макарычев, А. С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием / А. С. Макарычев // Политическая наука. — 2003. — № 3. — С. 8–27.

Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. — Москва : РОССПЭН, 2015. — 207 с.

Малинова, О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам / О. Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 6. — С. 139–158.

Мелешкина, Е. Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства / Е. Ю. Мелешкина // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. — Москва : Моск. обществ. научн. центр, 1999. — С. 126–137.

Миненков, Г. Идентичность в политическом измерении / Г. Миненков // Наше мнение : Экспертное сообщество Беларуси [Электронный ресурс]. — 2005. — URL: <http://nmnby.eu/news/analytics/414.html>. — (02.12.2021).

Моя Карелия : фотоальбом. — Петрозаводск : Скандинавия, 2002. — 175 с.

Ноженко, М. В. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов / М. В. Ноженко, Н. Б. Яргомская // Политическая наука. — 2005. — № 3. — С. 119–141.

Нойманн, И. Использование «другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. — Москва : Новое издательство, 2004. — 336 с.

Семененко, И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности / И. С. Семенко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2011. — № 7(2). — С. 5–24.

Соколовский, С. В. Современный этногенез или политика идентичности? / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. — 2012. — № 2. — С. 7–83.

Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи / Юкка Корпела, Кати Паршпей, Ирэна Карвонен и др. ; под общ. ред. И. Черняковой. — Санкт-Петербург : Наука, 2021. — 486 с.

Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. — 2000. — № 1. — С. 47–62.

Цумарова, Е. Ю. Образ Карелии: соотношение главных составляющих / Е. Ю. Цумарова // Вестник Евразии. — 2006. — № 2. — С. 154–170.

Цумарова, Е. Ю. Единство в многообразии, или как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию / Е. Ю. Цумарова // Неприкосновенный запас. — 2015. — № 5. — С. 57–66. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekprikosnovennyuy_zapas/103_nz_5_2015/article/11659/. — (02.12.2021).

Цумарова, Е. Ю. Политика идентичности в регионах России : научное электронное издание. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=27898>. — (02.12.2021).

Цумарова, Е. Ю. День Республики Карелия как праздник карельской государственности: от единства к утилитаризму / Е. Ю. Цумарова // Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. — С. 97–101.

Fox, Jon E., Miller-Idriss, C. Everyday nationhood / Jon E. Fox, C. Miller-Idriss // Ethnicities. — 2008. — Vol. 8(4). — P. 536–563.

Heininen, L. Conflicts and peace as a background for Karelian history / L. Heininen, I. Solomeshch // Narva and the Baltic Sea Region. Political and Cultural Relations between Russia and the Baltic Region States / ed. by K. Brüggemann. — Studia humaniora et paedagogica Collegii Narovensis I. — Narva : Sata OÜ, 2004. — P. 291–301.

Kaufmann, E. Complexity and nationalism / E. Kaufmann // Nations and Nationalism. — 2017. — Vol. 23(1). — P. 6–25.

Kirkinen, H. Karjalan kansan historia / H. Kirkinen, P. Nevalainen, H. Sihvo. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : Werner Söderström OY, 1994. — 605 s.

Koikkalainen, P. Quentin Skinner on encountering the Past / P. Koikkalainen, S. Syrjämäki // Finnish Yearbook of Political Thought. — 2002. — Vol. 6 (1). — P. 34–63.

Liikanen, I. Origins of the Eastern Border as the Grand Controversy of Finnish National History Writing / I. Liikanen // Disputed Territories and Shared Pasts : Overlapping National Histories in Modern Europe / ed. by T. Frank and F. Hadler. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — P. 177–199. — (Writing the Nation Series 5).

Nation Split by the Border: changes in the ethnic identity, religion and language of the Karelians from 1809 to 2009 / ed. by T. Hämynen and A. Pashkov. — Tampere : University Press of Eastern Finland, 2012. — 273 p.

Paasi, A. Foregrounding the region / A. Paasi, J. Metzger // Regional Studies. — 2017. — 51(1). — P. 19–30.

Paasi, A. The changing meanings of the Finnish-Russian borders / A. Paasi // *Russian Karelia in Search of a New Role* / ed. by H. Eskelinen, J. Oksa, and D. Austin. — Joensuu : Karelian Institute, University of Joensuu, 1994. — P. 26–40.

Sihvo, H. Karjalaisuus, Karjala ja muu Suomi. Oma ja muiden näkökulma karjalaiseen identiteettiin / H. Sihvo // *Tieten Tahtoen. Studia Carelica Humanistica 3* / toim. I. Savijärvi ja muita. — Joensuu : Joensuun yliopisto, 1994. — S. 23–44.

Solomests, I. Juhlavuodet Kuvastavat Karjalan Historiaa / I. Solomests // *Idäntutkimus*. — 2003. — № 10 (2). — S. 28–29.

Terlouw, K. Regional identities: quested and questioned / K. Terlouw // *Handbook on the Geographies of Regions and Territories* / ed. by A. Paasi, J. Harrison, and M. Jones. — Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2018. — P. 256–267.